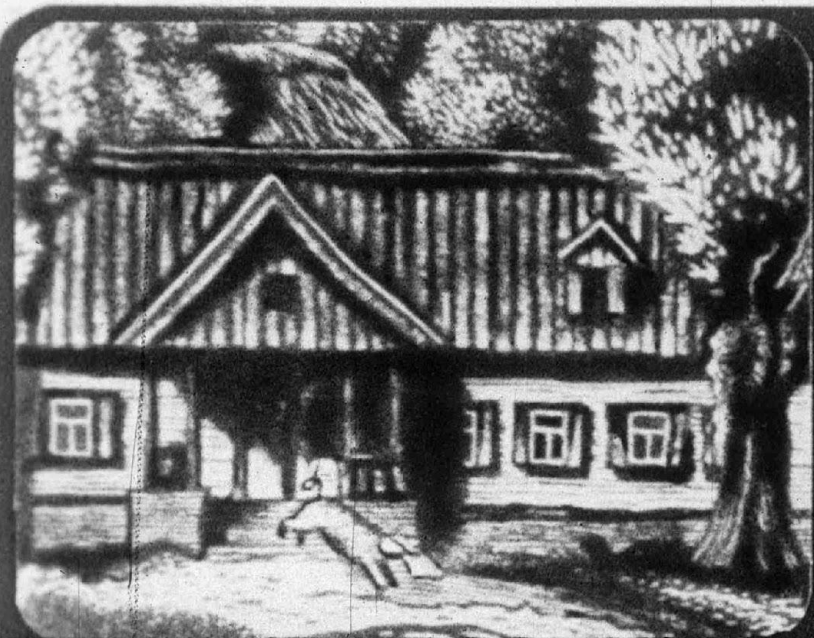

СТУДИЯ
ДИАФИЛЬМ

The logo for DIAFILM studio is a stylized, monochromatic design. It features a central vertical bar that resembles a film strip, with a small circle at the top and three horizontal lines near the bottom. This bar is flanked by two circular elements that look like film reels or lenses, each with a textured, metallic appearance. The word "СТУДИЯ" is positioned above the central bar, and the word "ДИАФИЛЬМ" is written in large, bold, sans-serif letters across the bottom, with the central bar acting as a separator between "ДИА" and "ФИЛЬМ".

МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. В. ГОГОЛЯ

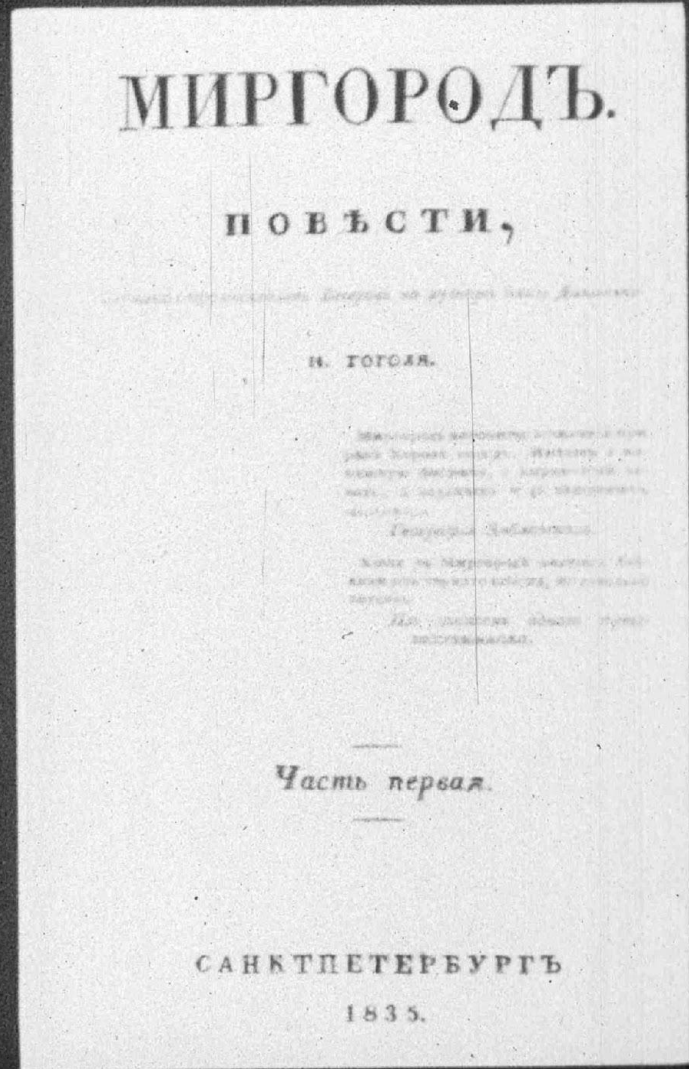

**«Повесть о том, как
поссорился Иван Иванович
с Иваном Никифоровичем»
и «Портрет»**

Диафильм для факультативных занятий
по литературе в VIII классе

После выхода из печати «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Николай Васильевич Гоголь стал в России широко известным, любимым писателем. Следующий сборник его повестей — «Миргород», представленный автором как продолжение «Вечеров», появился в 1835 году.

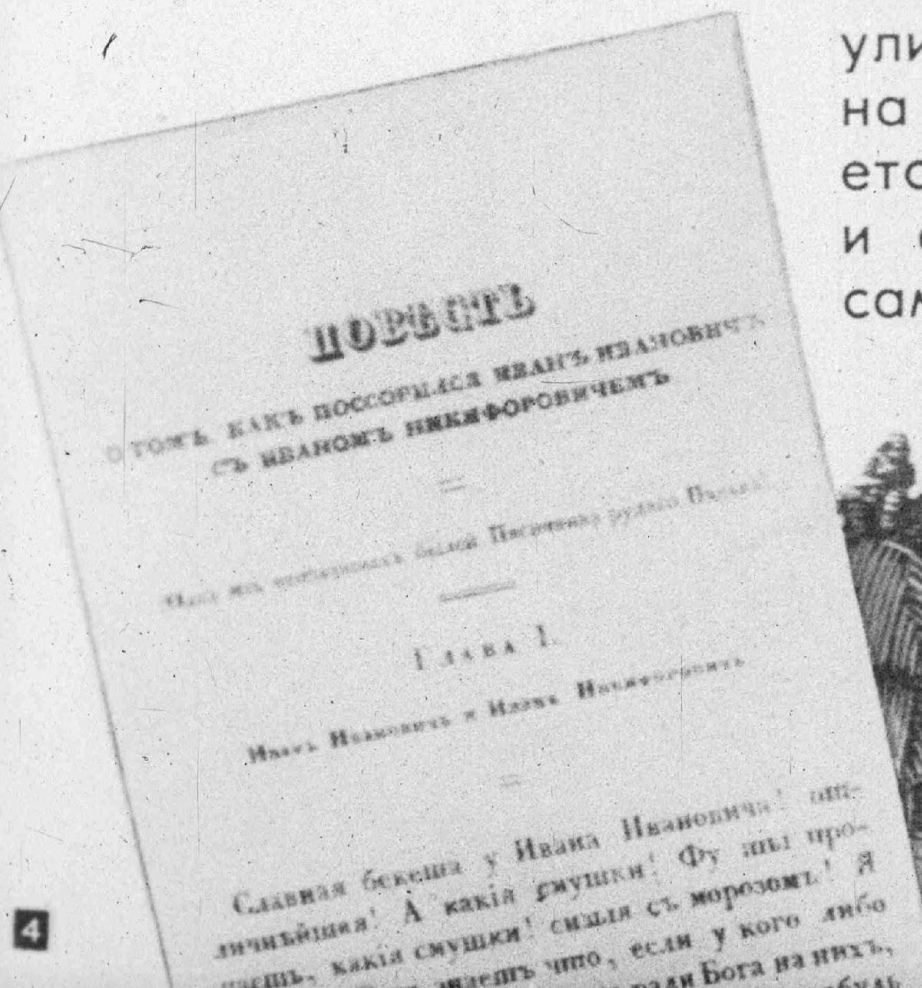
Писатель был убежден, что смехом можно оказать облагораживающее воздействие и на отдельного человека, и на общество в целом:

«Бывает время, когда нельзя иначе устремить общество или даже все поколение к прекрасному, пока не покажешь ему всю глубину его настоящей мерзости».

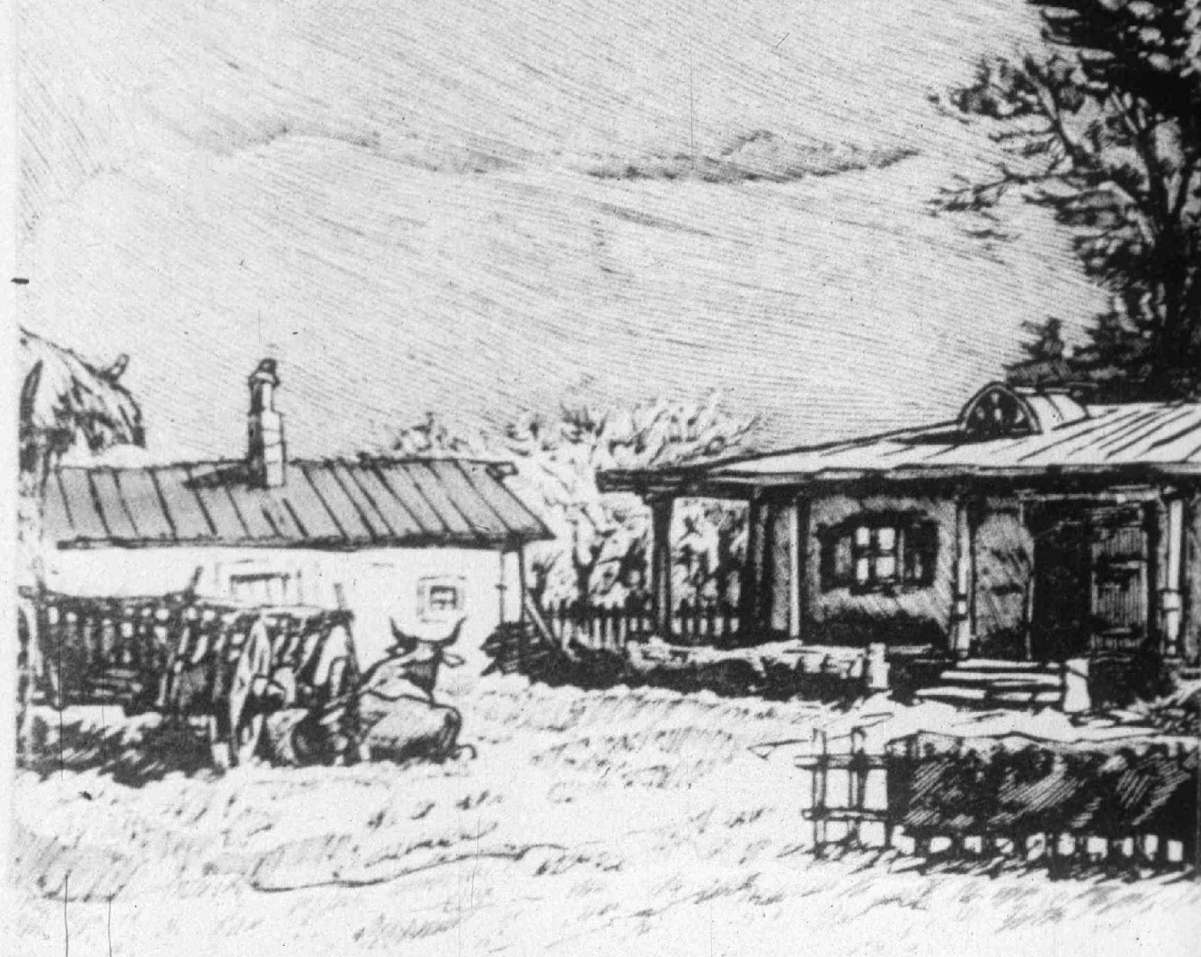

Несложный сюжет «ПОВЕСТИ О ТОМ, КАК ПОССОРИЛСЯ ИВАН ИВАНОВИЧ С ИВАНОМ НИКИФОРОВИЧЕМ» раскрыт в самом заглавии. Рассказчик в патетическом тоне описывает Миргород, его улицы, дома, плетни, даже лужу на городской площади; он восхищается и бекешей Ивана Ивановича, и его дружбой с соседом, и ассамблеей, которую дал городничий.

Однако автор повести совсем не похож на добродушного балагура пасечника Рудого Панька из «Вечеров». Притворный восторг только сатирический прием, позволяющий Гоголю зло высмеять умственное и нравственное убожество миргородских обывателей, изменность их страстей.

Утверждая, что Иван Иванович «прекрасный человек», рассказчик говорит, собственно, не о нем, а о его доме, саде, подробно останавливается на его времяпрепровождении: «Иван Иванович, когда сделается слишком жарко, скинет с себя и бекешу и исподнее, сам останется в одной рубашке и отдыхает под навесом и глядит, что делается во дворе и на улице».

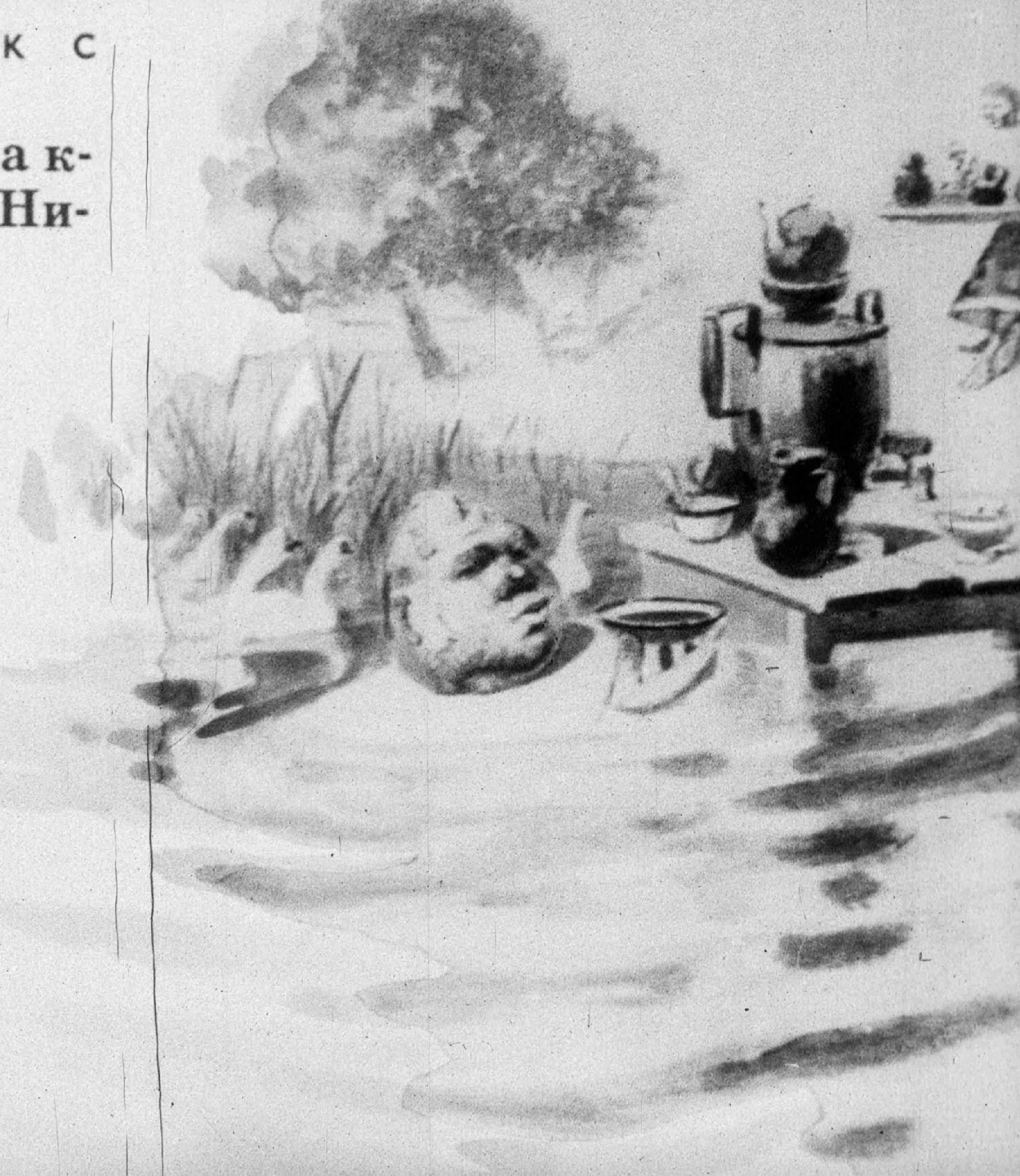
А чего сто́ит изображение Го-
голем «природной доброты»
и «сердобольности» Ивана
Ивановича, которые на де-
ле оказываются ханжеством,
лицемерием и жестокостью!

Тут же автор «простодушно»
сообщает:

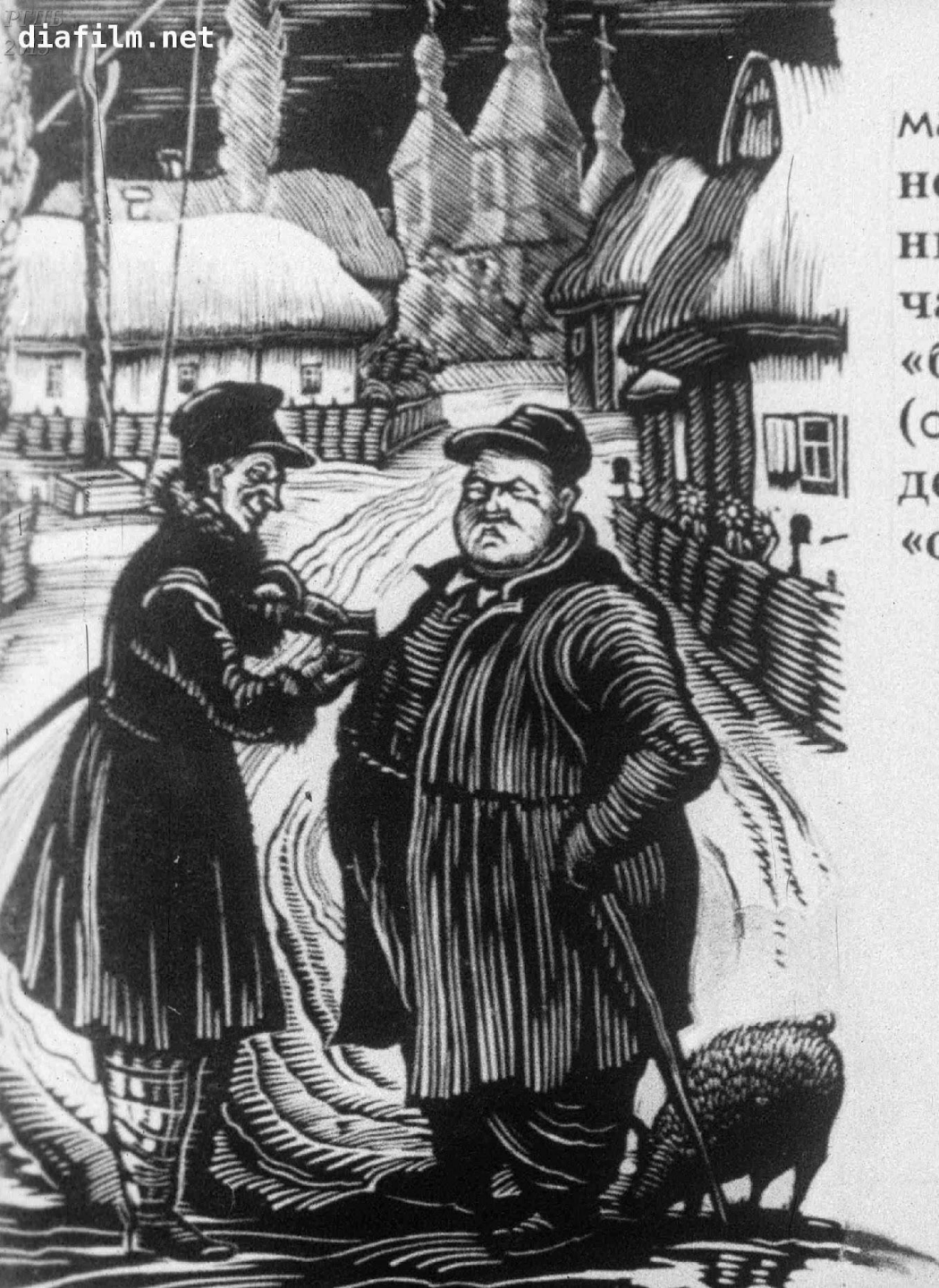
«Иван Иванович очень лю-
бит, если ему кто-нибудь сде-
лает подарок или гостинец.
Это ему очень нравится».

И намеренно, встык с
предыдущим:
«Очень хороший та к-
же человек Иван Ни-
кифорович».

Затем идет пространное сопоставление двух приятелей, «каких свет не производил»: их внешнего вида («Иван Иванович худощав и высокого роста», и голова у него «похожа на редьку хвостом вниз»; «Иван Никифорович немного ниже, но зато распространяется в толщину», и голова у него как редька хвостом вверх),

манеры говорить («Иван Иванович имеет необыкновенный дар говорить чрезвычайно приятно», другой «больше молчит»); привычек (один «бреет бороду в неделю два раза», другой — «один раз»).

Но странное дело: чем больше перечисляется различий, чем они подробнее, тем сильнее у читателей ощущение, что «герои» очень похожи в главном — оба бездуховны, мелочны, мстительны.

Вспомнить хотя бы разговор приятелей о войне: «Говорят ...что три короля объявили войну царю нашему». — «... Что ж эта за война? и отчего она?» — «...Я полагаю, что короли хотят, чтобы мы все приняли турецкую веру». Какое дремучее невежество, какое безнадежное отсутствие всякого гражданского чувства!

Ссора, перебранка из-за ружья, постройка гусиного хлева назло Перерепенке, разрушение этого хлева противной стороной, вздорные кляузы бывших приятелей в суд—все эти мелкие происшествия не только наполнили смыслом и перевернули жизнь героев, но и взбудоражили весь Миргород.

Тышные описания вздорных событий, обилие мельчайших подробностей помогают Гоголю создать поразительную по силе обличения картину жизни провинциального города царской России.

В повести выведена целая галерея миргородских обывателей, упоминаемых вскользь, например: Агафия Федосеевна,

«та самая, что откусила ухо у заседателя», или Антон Прокофьевич Голопуз, «который до сих пор еще ходит в коричневом сюртуке с голубыми рукавами и обедает по воскресным дням у судьи...».

Больше о них сказать нечего!

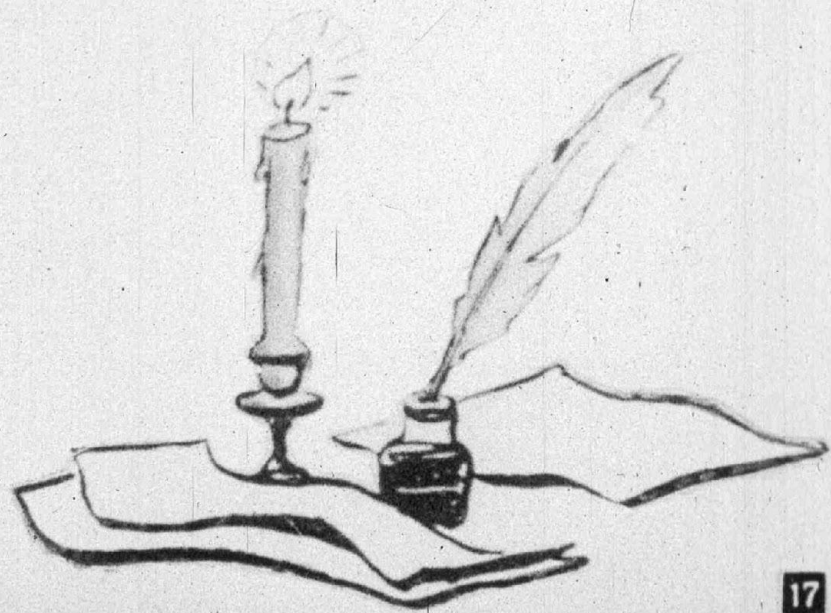

Не щадит сатирик и должностных лиц: судью, подписывающего дела, не разобравшись в них, и вороватых канцелярских, берущих взятки с посетителей и съевших даже краску для крыши.

Часто «сетует» автор на невозможность описать события так, как они того заслуживают. Он просто захлебывается от восторга:

«Нет!.. не могу!.. Дайте мне другое перо! Перо мое вяло, мертво, с тонким расчепом для этой картины!»

Несоответствие пышного стиля описания предмету его, обилие преувеличений, восклицаний, неожиданных сравнений неизменно создают комический эффект: «**Вся группа представляла сильную картину: Иван Никифорович, стоявший посреди комнаты в полной красоте своей без всякого украшения! Баба, разинувшая рот и выразившая на лице самую бессмысленную, исполненную страха мину! Иван Иванович с поднятою вверх рукою, как изображались римские трибуны.**»

И тут же намеренное
снижение тона: «...и ме-
жду тем только один
был зрителем: это был
мальчик в неизмери-
мом сюртуке, который
стоял довольно покой-
но и чистил пальцем
свой нос».

О повести три равнозначные кульминации: ссора из-за старого ружья, похищение свиньей жалобы, неудавшееся примирение кровных врагов, и при этом—ни одной развязки, сюжет оставлен без завершения.

Рисуя в конце повести мрачную картину:

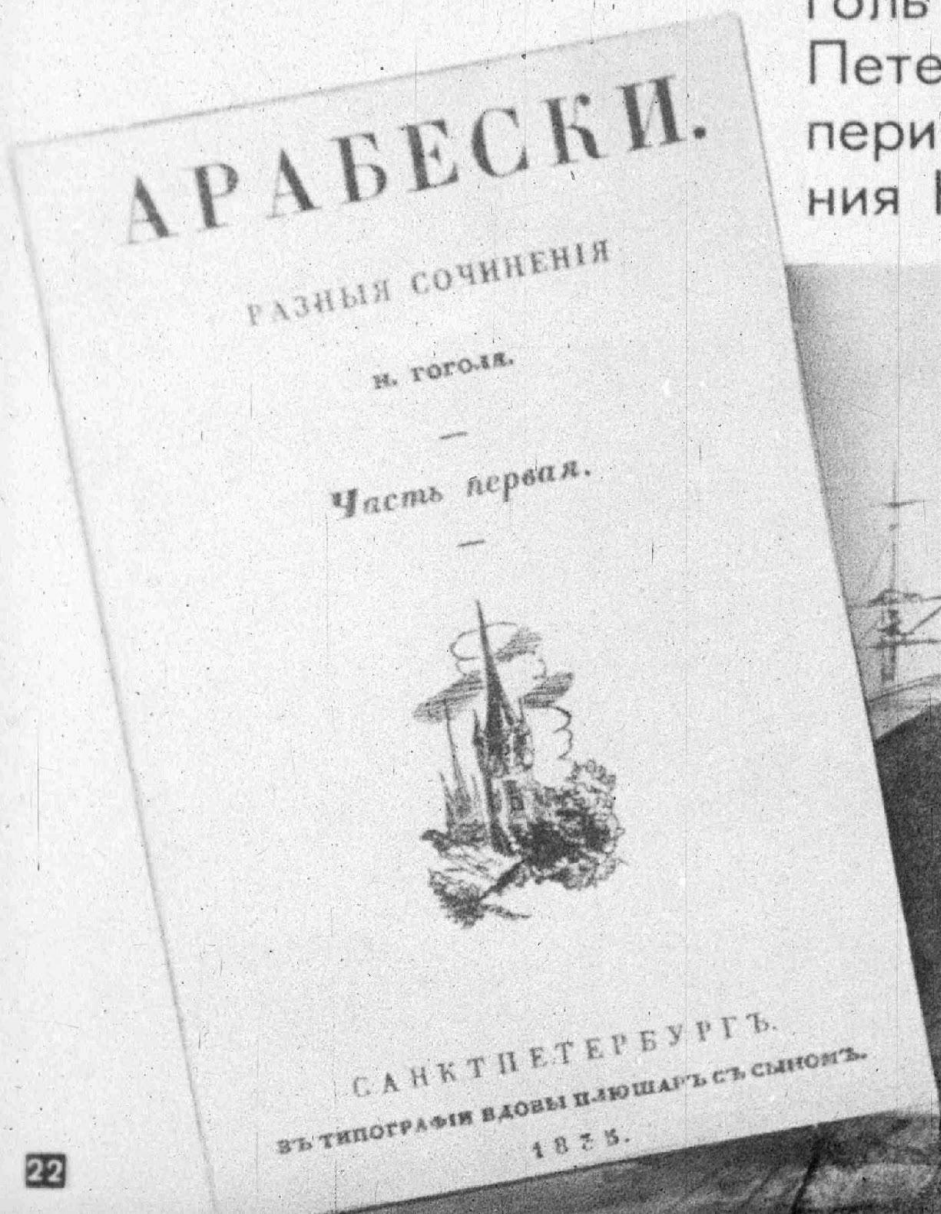
**«...поле, местами изрытое, черное,
местами зеленеющее, мокрые галки и вороны,
однообразный дождь, слезливое без просвету небо...»**,

Гоголь произносит беспощадный приговор
этому безобразному существованию:

«Скучно на этом свете, господа!»

В повести «ПОРТРЕТ», вошедшей в следующий сборник — «Арабески», Гоголь открыл русскому читателю мир Петербурга, столицы Российской империи в страшную пору царствования Николая I.

Герой повести — скромный труженик, одаренный художник Чартков: «...мгновеньями его кисть отзывалась наблюдательностью, соображением... порывом приблизиться более к природе». Со временем он мог стать выдающимся живописцем.

Но за рамой случайно купленного им портрета старого ростовщика оказываются деньги, много денег...

Незаработанное, чужое золото попадает Чарткову в руки в трудный для него момент, когда хозяин дома вместе с квартальным приходит выселять его из квартиры за неуплату.

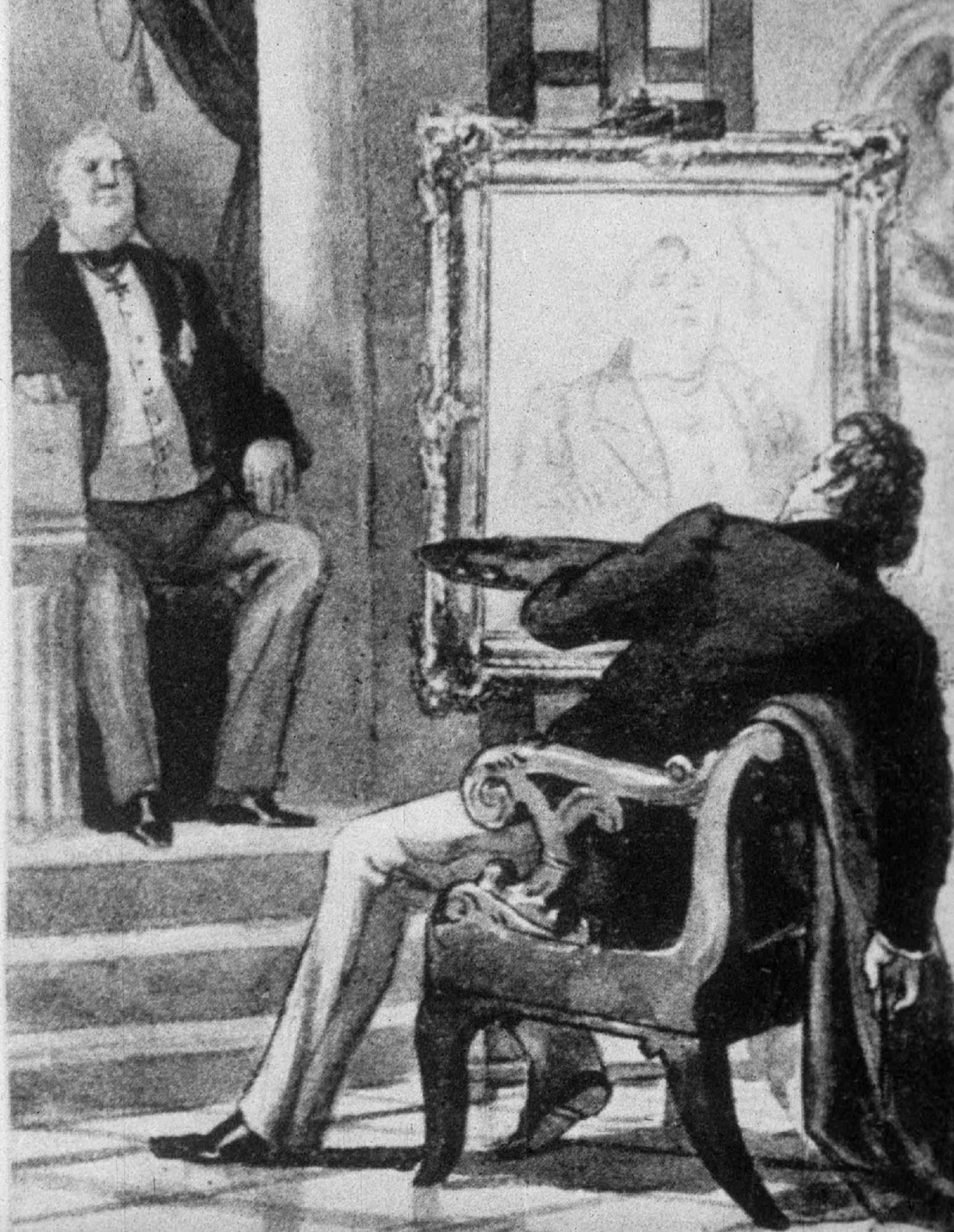

Внезапно разбогатеv, Чартков снял на Невском проспекте великолепную мастерскую, заказал продажному журналисту (и тот напечатал) статью о своем «необыкновенном таланте».

Угождая пошлым вкусам богатых заказчиков, Чартков из творца, знакомого с подлинным вдохновением, превратился в ремесленника:

«Кисть его хладела и тупела, и он нечувствительно заключился в однообразные, определенные, давно изношенные формы».

«Слава не может дать наслажденья тому, кто украл ее, а не заслужил... И потому все чувства и порывы его обратились к золоту. Золото сделалось его страстью, идеалом, страхом, наслажденьем, целью...»

Оказавшись обладателем ты-
сячи червонных, Чартков вна-
чале поставил себе благород-
ную цель:

«Теперь я обеспечен по край-
ней мере на три года, могу
запереться в комнату, работ-
тать». Но, заглушая доводы
рассудка, «изнутри разда-
вался другой голос, слыш-
нее и звонче».

И, поддавшись первым соблазнам, Чартков уже не может отказаться от роскошной жизни, он идет на любое унижение: позволяет знатной даме, не смыслящей в живописи, усаживать модель, указывать ему время сеанса, даже диктовать колорит портрета...

Но, увидев однажды привезенное из Италии полотно своего прежнего товарища, истинного, великого художника, Чартков был так потрясен, что «речь умерла на устах его, слезы и рыдания нестройно вырвались в ответ, и он, как безумный, выбежал из залы».

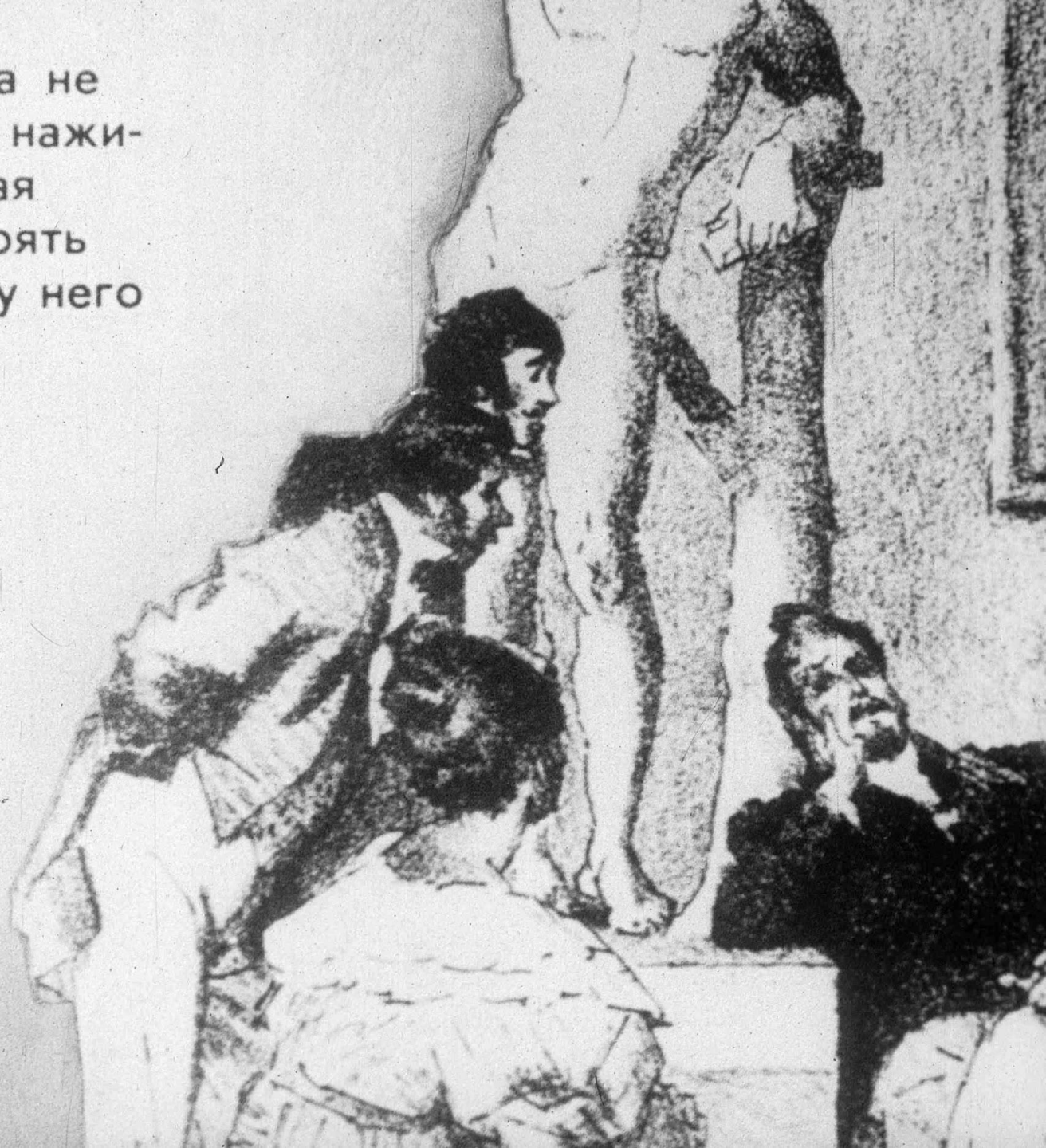

Он осознал, что погубил безжалостно лучшие годы своей жизни. Чартков попытался вернуть былое вдохновение. Но «кисть его и воображение слишком уже заключились в одну мерку, и бессильный порыв переступить границы и оковы, им самим на себя наброшенные, уже отзывался неправильностью и ошибкою».

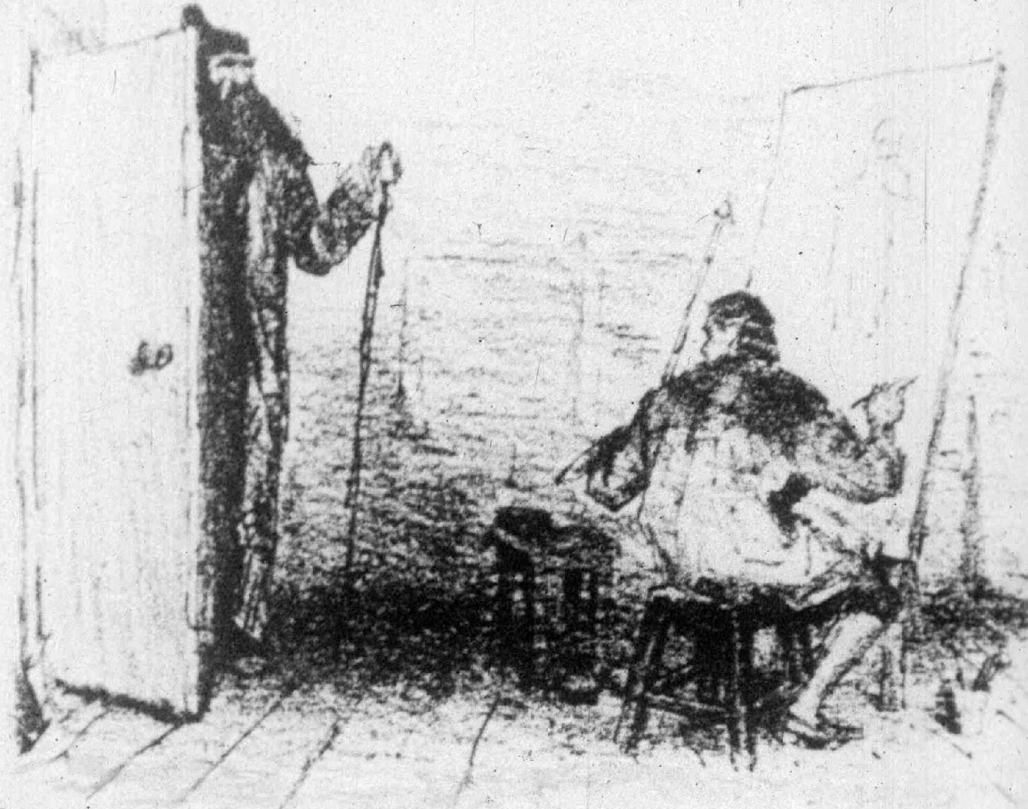

«Зависть до бешенства» толкнула его на преступление: «Он начал скупать всё лучшее, что только производило художество», и в исступлении уничтожать чужие шедевры. Вскоре вслед за гибелью нравственной последовала и смерть физическая.

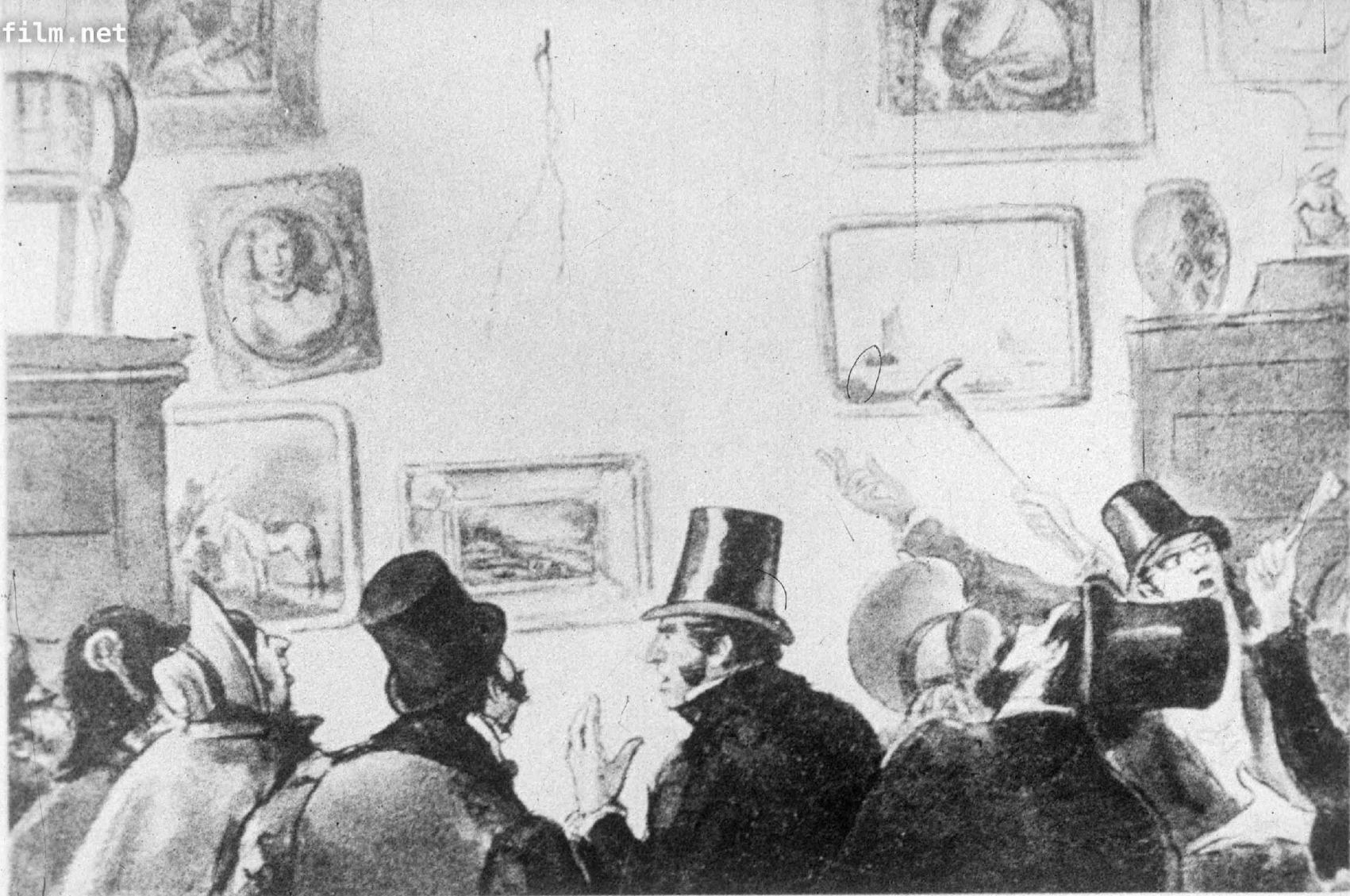
Чарткова погубила не только страсть к наживе, но и та пошлая среда, противостоять влиянию которой у него не хватило сил.

Деньги подавляют в человеке всякие благородные порывы, утверждает писатель, извращают его природу.

И Чартков, и другие люди, владевшие до него таинственным портретом, против своей воли становятся злодеями.

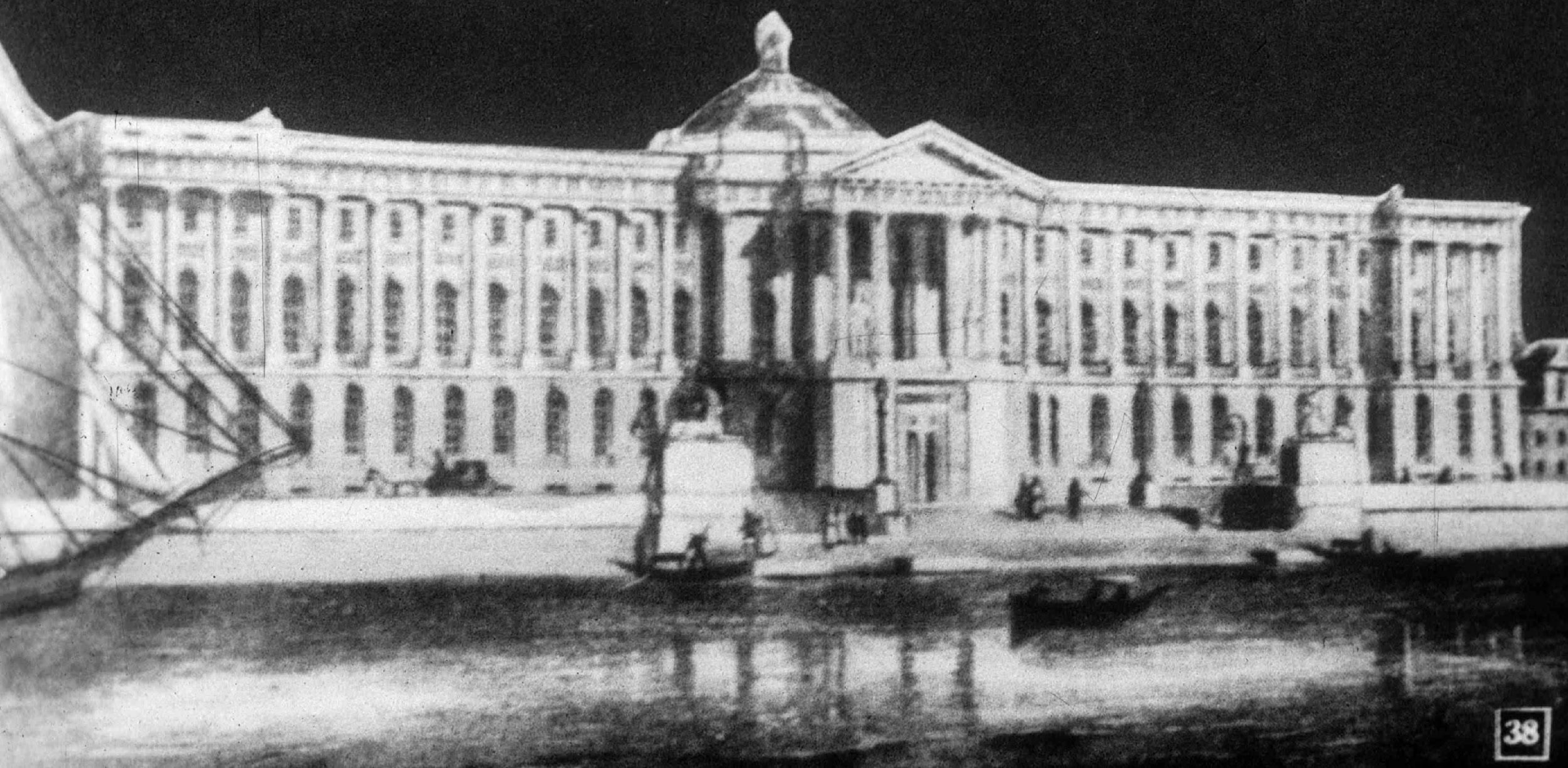
Говоря о краже проклятого портрета с аукциона, автор словно предупреждает: люди, будьте осторожны, пагубные страсти в мире не перевелись, соблазнов много, имейте мужество не поддаваться им!

Обращение Гоголя к теме искусства не случайно. Благодаря матери за присылку денег, он сообщал ей:

«...каждая копейка теперь имеет у меня место. Я отказываю себе даже в самых крайних нуждах с тем... чтобы иметь возможность удовлетворить моей жажде видеть и чувствовать прекрасное».

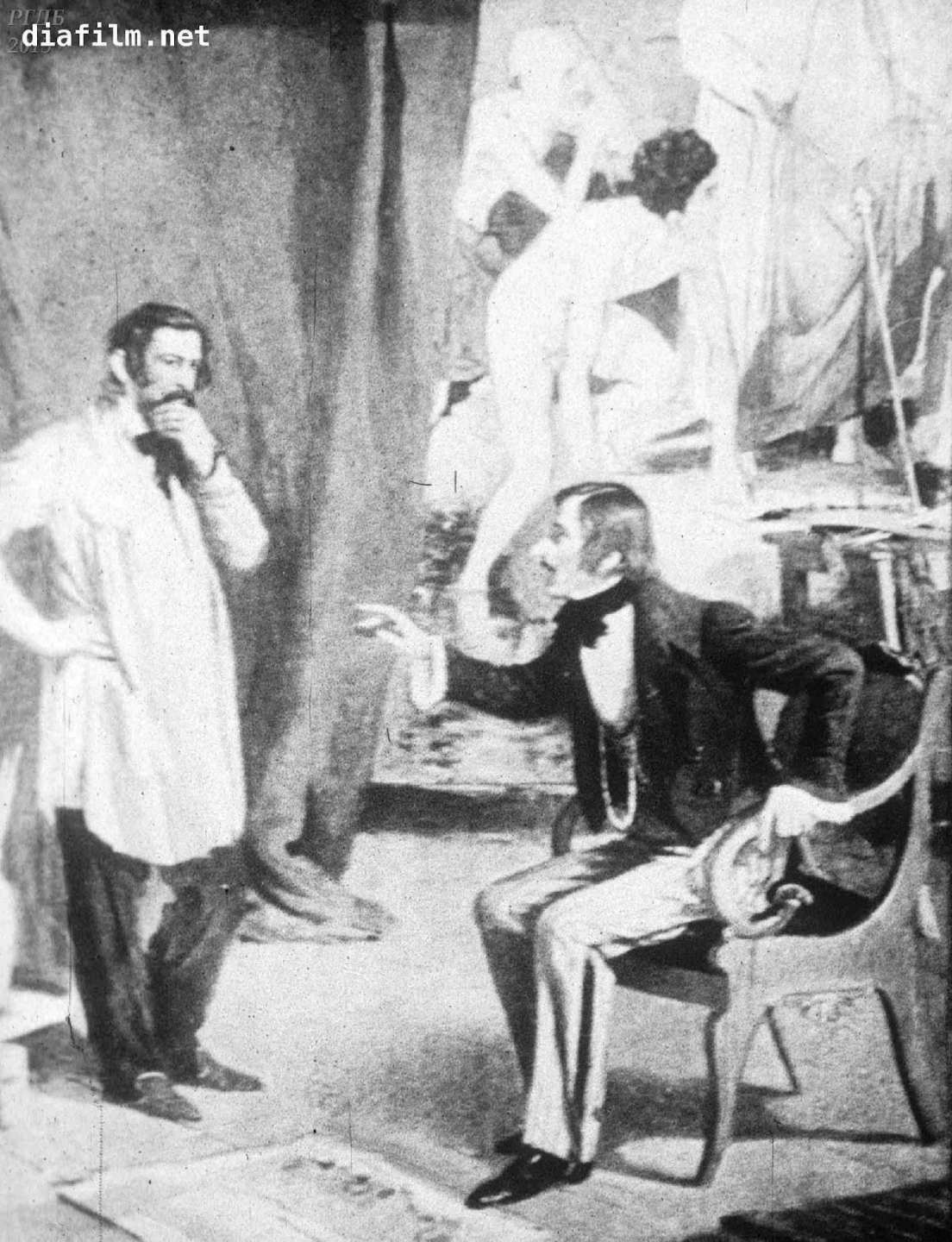
«...После обеда в 5 часов отправляюсь я в класс, в Академию художеств, где занимаюсь живописью, которую я никак не в состоянии оставить,—тем более, что здесь есть все средства совершенствоваться в ней, и все они, кроме труда и старания, ничего не требуют».

Гоголь, несомненно, имел живописный талант, об этом свидетельствуют включенные в повесть описания различных полотен, городских пейзажей:

«Красный свет вечерней зари оставался еще на половине неба; еще дома, обращенные к той стороне, чуть озарялись ее теплым светом; а между тем уже холодное синеватое сиянье месяца становилось сильнее».

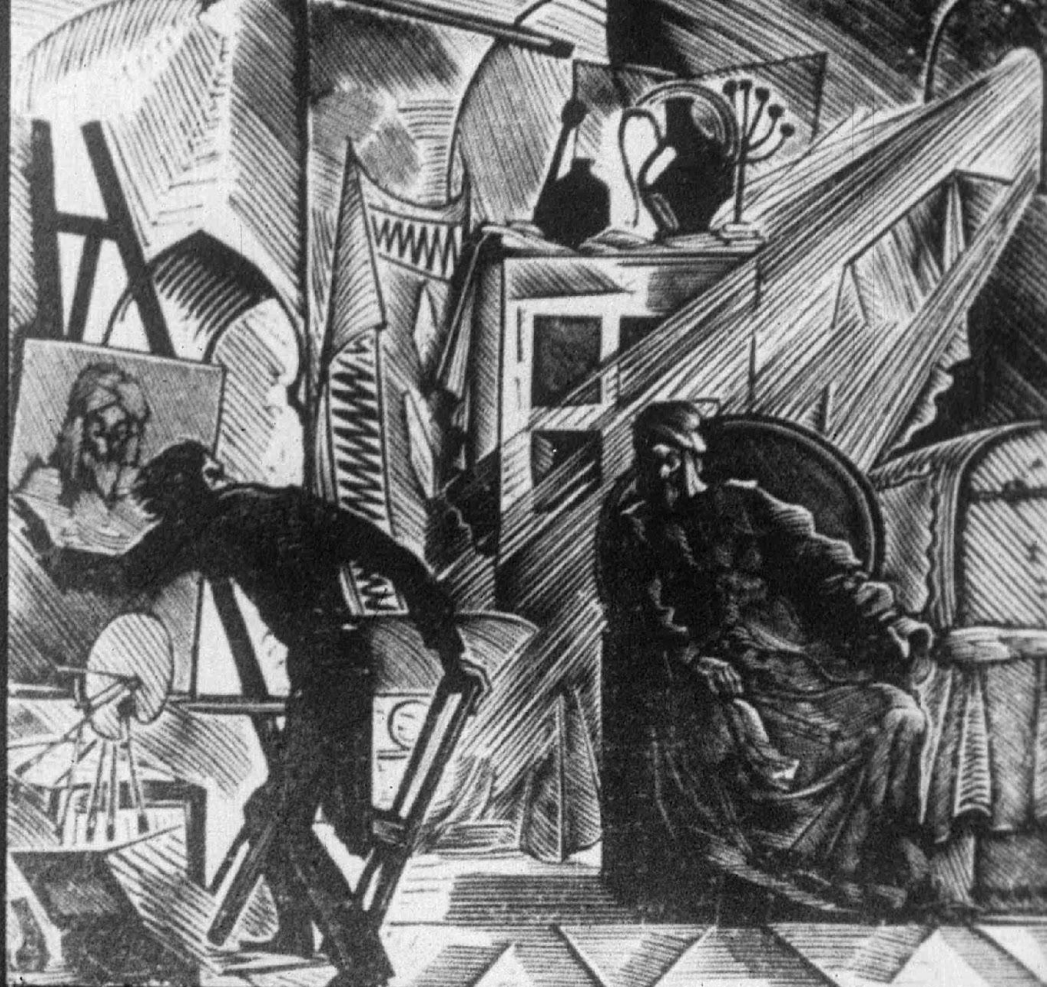
Имея обширные знакомства среди художников, бывая в их мастерских, писатель мог слышать наставления профессоров своим ученикам, присутствовать при написании портретов. Он посещал аукционы, не пропускал ни одной выставки.

Воплощение своих смелых для того времени мыслей о живописи Гоголь увидел в картине К. Брюллова «Последний день Помпеи». Многие не без оснований считали, что именно это полотно с его проповедью добра, любви, самопожертвования заставило опомниться героя повести «Портрет». 41

В природе нет «низкого предмета», недостойного кисти мастера, делится писатель своими заветными раздумьями, вся суть в отношении к нему. Рабское, буквальное подражание натуре уже есть проступок, считает Гоголь. Сила созидания, заключенная в душе самого художника, творит подлинное искусство.

Служение искусству требует нравственной чистоты, стойкости, мужества, высокой ответственности перед обществом за свой талант. К такому выводу приходит читатель, узнав из повести о судьбах трех художников.

Жизнь и творчество самого Гоголя подтверждают эту мысль: «Могу сказать, что я никогда не жертвовал свету моим талантом. Никакое развлечение, никакая страсть не в состоянии была на минуту овладеть моею душою и отвлечь меня от моей обязанности».

КОНЕЦ

*Диафильм сделан по программе,
утвержденной Министерством
просвещения РСФСР*

Автор
кандидат искусствоведения
Н. ПРИВАЛОВА

Художник-оформитель
И. БУЛАТОВА

Редактор
В. ЧЕРНИНА

© Студия «Диафильм» Госкино СССР, 1983 г.
101 000, Москва, Центр, Старосадский пер., 7

Черно-белый 0-20

Д-015-83

